

Митрополит Иларион: В творчестве преодолевается грань между светским и духовным

22 ноября 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал доктор искусствоведения, профессор и ректор Московской государственной консерватории Александр Соколов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о религиозной музыке. У меня в гостях – доктор искусствоведения, профессор и ректор Московской государственной консерватории Александр Соколов. Здравствуйте, Александр Сергеевич!

А. Соколов: Здравствуйте, Владыка! Мне было очень приятно получить от Вас приглашение на эту передачу.

Недавно я вернулся из очень интересной командировки. Я был в Германии и Австрии. Эта командировка была продолжением концерта, который ранее состоялся в Москве. Во всех трех странах исполнялось одно сочинение Александра Кастальского «Братское поминовение», написанное в годы Первой мировой войны. Столетний срок, что прошел после Первой мировой войны, сегодня мысли многих людей вновь обратил к тем проблемам, что переживало общество в то время, - к проблемам, которые чрезвычайно созвучны с современностью.

«Братское поминовение» писалось Кастальским около пяти лет. Композитор начал его в 1914 году, в то время, когда в Антанту входили три страны – Россия, Франция и Англия. Потом, как известно, еще 23 страны присоединились к этому военному союзу. Фактически, сочинение Кастальского стало летописью Первой мировой войны. Естественно, что он ориентировался на вполне определенный жанр – это католическая заупокойная месса «реквием» (от «Requiem aeternam» – «Вечный» покой). Но в итоге появилось нечто тончайшее, скорее связанное со стилистикой русского модерна, поскольку вступление новых стран отражалось в музыкальном материале. В партитуру включались все новые и новые элементы, которые, главным образом, представляли русскую традицию. Тем не менее, это три текста: русский текст, латинский и английский. Сразу возникла та проблема, которую мы сегодня можем обсудить: каким образом мыслится это сочинение – это действительно Литургия или нечто иное? Сам Кастальский искал какой-то вариант, но в конечном итоге так и не склонился к одному варианту.

Было и театральное представление. В Мариинском театре в 1917 году уже с оркестром это

сочинение было представлено в исполнении Зилоти.

Был вариант только для хора, то есть a cappella (итал. «как в капелле») – это уже традиция православного церковного пения. Наконец, то, что я держу в руках – замечательное, можно сказать, юбилейное издание музыкального издательства «П. Юргенсон», редакция для органа, солистов и хора. Таким образом, возникает проблема жизни музыки в храме и проблема самого расширяющегося пространства храма. Владыка, мне очень интересно узнать Ваше мнение как священнослужителя и композитора о развитии союза музыки и слова в храмовой традиции.

Митрополит Иларион: Я тоже на днях вернулся из поездки. Это была поездка в Сербию – я сопровождал Святейшего Патриарха Кирилла. Наверное, кульминационным пунктом этой поездки было открытие в самом центре Белграда памятника Николаю II с надписью: «Николай II – русский царь». Мы можем сейчас спорить о том, прав был Николай II или нет, когда начал мобилизацию, которая привела к вступлению России в войну и ко всем трагическим последствиям той войны, включая революцию, но для Сербии это было знаковое событие, потому что Николай II вступил в войну из-за солидарности с Сербией, и сербы помнят об этом. В благодарность они воздвигли ему памятник.

Также мы посетили русский некрополь в Белграде, где Святейший Патриарх совершил молитву. На территории некрополя похоронены воины, погибшие в Первой мировой войне, в том числе наши русские воины, которые сражались за свободу Сербии.

Я размышлял о том, почему Россия вступила в Первую мировую войну. Действительно, оценки здесь могут быть самые разные, но одно сейчас можно сказать со всей очевидностью: русский царь не мог поступить иначе. Он не мог не встать на защиту Сербии.

Возвращаясь к нашей теме, мне кажется, что такие сочинения как «Братское поминовение» стоят где-то на грани между литургической музыкой и музыкой внелитургической. Конечно, это сочинение не для православной Литургии, но оно отражает в себе литургический опыт и православных, и католиков. Сочинение мыслилось композитором как некое гражданское поминальное действо у братских могил. Это поминовение воинов, которые принадлежали к разным конфессиям – среди них были русские, англичане, французы. Затем, как Вы нам напомнили, к этой битве присоединились и другие народы. Я думаю, что уникальность идеи в значительной степени и обусловила необычность того, как этот замысел был воплощен.

А. Соколов: «Братское поминовение» А. Кастальского было исполнено в Кёльне, в знаменитом Кёльнском соборе, а затем и в кафедральном католическом соборе Граца – одного из красивейших городов Европы в Австрии. Три хора – кёльнский, австрийский и московский

«Кастальский- капелла» вместе готовили эту программу. Первое исполнение состоялось в октябре, в Москве. Мне кажется, такая эстафета сегодня особенно важна, потому что она показывает незыблемые основы соработничества на ниве творчества. И, конечно, это было более важное событие, чем просто концертная программа.

Митрополит Иларион: Будет еще одно музыкальное событие в стенах Московской консерватории. В Большом зале 8 декабря прозвучит «Реквием» Джузеппе Верди. Это исполнение будет посвящено памяти жертв Первой мировой войны. Там тоже будет интернациональный состав: несколько наших хоровых коллективов, оркестр и солисты из разных стран, в том числе из тех стран, которые воевали в Первой мировой войне. Думаю, это будет не менее значимое и интересное событие, и тоже своего рода музыкальное поминовение воинов Первой мировой войны.

А. Соколов: Мне было бы очень интересно узнать Ваше мнение относительно продолжения такого рода замысла. Эмиграция из России в другие страны наших композиторов породила некое движение, то есть возникла идея многоконфессионального богослужения. «Всякое дыхание да славит Господа», можно сказать и так. В какой степени сегодня это актуально? В какой степени современные композиторы, в основе своей люди светские, могут вписаться в эту высокую орбиту такого духовного замысла?

Митрополит Иларион: Если проследить историю западной музыки, то начиная сразу со следующего поколения после Иоганна Себастьяна Баха, мы наблюдаем устойчивую тенденцию к отходу светской музыки от церковной тематики, то есть композиторы все меньше и меньше внимания уделяют религиозной теме. Хотя практически все великие композиторы не просто отдали дань религиозной теме, но являются авторами подлинных шедевров духовной музыки: « Мессы» Моцарта и Бетховена, «Немецкий реквием» Брамса, «Реквием» Верди. Не говоря уже о русских композиторах, каждый из которых написал замечательные произведения для храма: «Божественная литургия» Чайковского, «Литургия» и «Всенощное бдение» Рахманинова. Но, несмотря на это, некая тенденция к отходу от духовной и религиозной тематики наблюдается в течение всего XIX и XX веков.

Что же происходит под конец XX века и на рубеже XX и XXI веков? Мы видим, что все больше композиторов обращаются к религиозной теме. Причем берут самые традиционные жанры: реквием, мессы, православные духовные тексты. Арво Пярт – наверное, самый широко исполняемый сейчас композитор – пишет в основном музыку на духовные тексты. Карл Дженкинс – очень известный сейчас британский композитор, опять же, пишет реквиемы, мессы, хотя начинал с музыки для рекламных роликов. Я могу назвать и другие имена современных композиторов. Их много и они обращаются к духовной музыке, но это музыка не специально для

храма, а вдохновлённая религиозным опытом, музыка на религиозные тексты, звучащая в светском контексте.

А. Соколов: Празднование 1000-летия принятия христианства на Руси побудило многих композиторов, прежде даже не задумывающихся о своих ориентирах творчества, попробовать перо в жанре, близком к литургическому. Наверное, этот момент был достаточно показательный, но, в то же время, он обнажил некоторую проблему, ибо есть музыка душевная, а есть духовная. И между ними зыбкая грань. Сам Кастальский, когда обдумывал свое сочинение – «Братское поминовение» – принимал во внимание те каноны, которые на том этапе от Синода фактически ставили определенный предел такому поиску. Насколько современное состояние Церкви расширило эти возможности? Что звучит в Вашем храме?

Митрополит Иларион: Могу Вас заверить как постоянный член Священного Синода, что мы не обсуждаем музыкальные вопросы на заседаниях Синода. Мы не ограничиваем творчество композиторов. Некоторые члены Синода сами занимаются музыкальным творчеством.

Я хотел бы привести в пример одного моего собрата – митрополита Ионафана (Елецких). Это замечательный церковный композитор. Он автор нескольких «Литургий». Кстати, в одной из своих «Литургий» в мелодиях он использует григорианские хоралы. Это получается с художественной точки зрения очень убедительно.

Я не сторонник того, чтобы мирское или инославное вторгалось в пространство православного храма. Я за то, чтобы, наоборот, сокровища православной духовности становились известными за пределами храма.

А. Соколов: Извлечения из прошлого – это вполне естественно. Вы упомянули григорианский хорал. Еще в большей степени знаменный распев, конечно, сейчас тоже вовлекается в орбиту композиторского творчества. Собственно, это уже давно проявилось – у Чайковского, у Рахманинова. Но меня больше волнует вот такая перспектива. Действительно, переход от знаменного распева к партесному пению был сменой канона, то есть пролегла совершенно четкая граница и стилистическая, и духовная...

Митрополит Иларион: Я бы сказал, это было отказом от канона.

А. Соколов: Да, это было отказом от канона, заменой канона. Фактически партес тоже стал каноном, но уже на другом этапе своего развития. Продолжается ли эта линия, эта цепь событий сейчас? Не возвращение к прошлому, не синтез, который здесь вполне определен, а шаг вперед. Шаг вперед в современном творчестве даст новый канон или говорить об этом пока невозможно?

Митрополит Иларион: Мы не должны говорить о новом каноне, потому что канон всегда остается один и тот же. Но в рамках той традиции литургической музыки, которая у нас сложилась, начиная с момента, о котором Вы сказали, когда четырехголосное пение постепенно вытеснило из церковного употребления древний знаменный распев, – с этого момента наша духовная музыка проделала действительно очень большой путь.

Сейчас у нас в храмах в основном звучат произведения композиторов XIX века. Это связано с тем, что фактически композиторское творчество на духовной почве, то есть сочинения духовной музыки, прервалось на весь советский период. К счастью, прервалось не полностью, ибо мы сейчас открываем песнопения, написанные в то время, которые пролежали в столе у авторов или у их потомков.

А. Соколов: Например, Николай Голованов, дирижер Большого театра...

Митрополит Иларион: Я как раз о нем и хотел сказать. Это удивительный человек. Главный дирижер Большого театра, который, как только сейчас выясняется, всю жизнь писал церковную музыку. Это прекрасная музыка, очень современная, яркая и по своему духу церковная.

Я также хотел упомянуть Виктора Калинникова, который тоже писал церковную музыку «в стол». До революции он ее писал еще не «в стол». То, что он написал до революции, успело войти в церковный обиход. А то, что он написал после революции уже «в стол», мы только сейчас открываем. Я думаю, что эта традиция будет продолжена. Она уже сейчас продолжается нашими современными церковными композиторами, то есть это живая традиция, которая была искусственно прервана, но прервана не совсем.

А. Соколов: Вы сказали: «современные церковные композиторы». Из какой среды Вы ожидаете их появление? Это определенная аскеза, потому что при написании, например, иконы, иконописцем выдерживался пост, была определенная готовность отрешиться от тех искушений, которые мешают мирному состоянию. Очевидно, что в современном мире светский человек вряд ли готов настроить себя таким образом. Может быть, именно монастырская среда даст? Там действительно есть уникальные люди, которые имеют и профессиональный опыт. Есть ли такие люди, которые сегодня могут сделать шаг вперед?

Митрополит Иларион: Такие люди есть. Одного я Вам назвал – митрополита Ионафана. Есть еще целый ряд церковных композиторов, которые являются монахами или монахинями. Одна монахиня в Белоруссии пишет прекрасную музыку. Ее «Херувимская песнь» входит в обиход очень многих храмов. Но есть люди, которые в строгом смысле слова не принадлежат к духовному

сословию, но их тоже нельзя назвать светскими. Я не могу назвать светским человеком Арво Пярта. Это человек глубоко православный, очень глубокой духовности, я бы даже сказал, аскетизма. Слово «светский человек» к нему совершенно не подходит.

В творчестве преодолевается грань между светским и духовным. И не важно, является ли человек монахом, священнослужителем или нет. Важно, чтобы музыкант мог глубоко проникнуть в самую религиозную составляющую человеческой жизни, чтобы его собственный религиозный опыт отражался в его музыке.

Спасибо Вам, Александр Сергеевич, за интересную беседу.

Служба коммуникации ОБЦС